

Из "Хроники текущих событий".
Выпуск 32. Москва, Самиздат,
17 июля 1974 г.

(При перепечатке ссылка
обязательна).

СУД НАД НЕКИПЕЛОВЫМ

В мае 1974 г. во Владимирском областном суде рассматривалось дело НЕКИПЕЛОВА В.А., обвиненного по ст. 190¹ УК РСФСР.

Виктор Александрович Некипелов родился в 1928 г., имеет высшее фармацевтическое образование, в конце 60-х годов заочно окончил Литературный институт им. Горького, печатал в различных газетах и журналах свои стихи и переводы. В середине 60-х годов был издан сборник стихов Некипелова "Между Марксом и Венерой". С 1970г. Некипелов работал в г.Солнечногорске (Моск. обл.), имея временную прописку. Осенью 1971 г., когда он уже получил разрешение на постоянную прописку и ордер на квартиру, и то, и другое было у него внезапно, без объяснения причин, отнято, он вынужден был уволиться. С весны 1972 г. Некипелов жил в г.Камешково (Владимирская обл.), где работал заведующим аптекой. У Некипелова двое детей рождения 1967 г. и 1972 г.

Некипелов был арестован 11 июля 1973 г. Следствие вел ст.следователь Владимирской областной прокуратуры мл.советник юстиции Е.Н.Дмитриевский.

Некипелов был подвергнут психиатрической экспертизе в институте им. Сербского и признан вменяем.

Известны выступления в защиту Некипелова.

9 октября 1973 г. в заявлении Ю.В.Андропову С.Мюге, незадолго до этого выехавший из СССР, напоминает, что он, К.М.Великатова и Некипелов проходили подозреваемыми по одному уголовному делу, в котором главная тяжесть обвинения лежала на Мюге. Теперь Мюге разрешили выехать, а Некипелов арестован. Мюге надеется, "что руководство КГБ найдет возможным освободить Некипелова из тюрьмы, чтобы он смог в дальнейшем выехать за границу". Текст заявления опубликован в "Хронике защиты" вып. 4.

В январе 1974 г. Инициативная группа защиты прав человека в СССР опубликовала заявление, подписанное Т.Великановой, С.Ковалевым, А.Красновым-Левитиным, Г.Подъяпольским, Т.Ходорович. В нем, в частности, говорится: "... -и свою судьбу; и свою затравленность; и свою душу, и лицо мира, в котором он жил - Виктор Некипелов отразил в своих стихах, и стихи были найдены у него на обыске. И ис-

тинную причину ареста Виктора Некипелова вряд ли нужно долго искать: некоторые миры не могут терпеть своих отражений.

Но поскольку поэзия не входит в число преступлений, предусмотренных нашим уголовным кодексом, естественно спросить: в чем формальная вина Виктора Некипелова? И на этот вопрос можно, по-видимому, дать единственный и странный ответ: ни в чем - даже в том, за что обычно судят у нас в стране".

Авторы выражают опасение, что Некипелову "грозит самое страшное из возможных наказаний - психиатрическая больница". Заявление опубликовано в "Хронике защиты" вып. 7.

Суд проходил 16, 17 и 21 мая. Прокурор - Образцов, адвокат - Нимирина, фамилии судьи и заседателей "Хронике" неизвестны.

Друзей Некипелова в зал суда не пускали, а когда они 16 мая во время перерыва вошли в зал и заняли свободные места, их грубо выпроводила милиция. Их не пустили даже на слушание приговора.

В обвинительном заключении Некипелову инкриминировалось следующее: 1. он "распространил", передав для ознакомления свидетелю Дворцину, 19-й выпуск "Хроники текущих событий" (это утверждение доказывается показаниями Дворцина); 2. он написал и имел намерение распространить "письмо-обращение" под названием "Нас хотят судить - за что?" (это намерение доказывается тем, что письмо напечатано на машинке, и тем, что в его тексте есть обращение к родным и друзьям); 3) он написал и распространил 8 стихотворений (утверждение о распространении доказывается, во-первых, тем, что некоторые из этих стихотворений напечатаны на пишущей машинке; во-вторых, показаниями жены Некипелова, что она знакома с этими стихотворениями; в-третьих, показаниями свидетеля Афанасьева, что Некипелов прислал ему 3 стихотворения - два из них теперь инкриминируются Некипелову; 4. он сделал рукописные наброски, на основании которых намеревался написать "Книгу гнева" и статью о психиатрических больницах специального типа "с целью дальнейшего самиздата и распространения"; 5. в устной форме распространял "заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй" (доказывается показаниями свидетеля Воропаева и свидетелей Серкова и Уланова, сидевших в одной камере с Некипеловым во время предварительного заключения).

Некипелов виновным себя не признал, поскольку он высказывал свои мысли и убеждения и, тем самым, его произведения не являются заведомо ложными. Некипелов отрицал передачу "Хроники" Дворцину.

Он заявил, что даже не был знаком с 19-м выпуском "Хроники" до ареста. Некипелов отрицал также намерение распространять статью "Нас хотят судить - за что?". Вместе с тем он выразил сожаление по поводу последних строк этой статьи. По поводу восьми его стихотворений Некипелов заявил, что семь из них не криминальны, два стихотворения он даже послал рецензенту своей напечатанной книги стихов Афанасьеву, чтобы получить на него критические замечания. Лишь по поводу стихотворения "Не совсем каноническая ода" Некипелов выразил сожаление, что написал его, но отметил, что напечатал его только в одном экземпляре. О своих рукописных набросках Некипелов заявил, что в первом из них всего 10 строк, содержащих отдельные фразы, а не план книги, и что обвинение присвоило название несуществующей книги; во втором наброске всего 8 строк, сделанных, как жется, в связи с помещением П.Г. Григоренко в психиатрическую больницу и не содержащих никакой клеветы. Наконец, по поводу "устроеного распространения" Некипелов заявил, что никакой клеветы его разговоры с Воропаевым, Серковым и Улановым не содержали. Показания Уланова на предварительном следствии о том, что он якобы хвалил "Архипелаг ГУЛаг" легко опровергаются - он сидел с Улановым в одной камере задолго до выхода в свет "Архипелага". Некипелов выразил протест против использования в качестве свидетелей его сокамерников, так как на подсудимых легко оказать давление. Некипелов сказал, что следователь Дмитриевский оказывал на него давление, угрожая переквалифицировать на ст. 70 УК РСФСР.

Трое из вызванных в зал свидетелей - Н.М. Комарова (жена Некипелова), К.М. Великанова и М.Н. Ланда - отказались от дачи показаний, мотивируя отказ: Комарова - тем, что ее муж не совершил никакого преступления, К. Великанова - неконкретностью обвинения, Ланда - противозаконностью уголовных преследований за литературу. Свидетель Серков заявил, что его допрос на следствии продолжался 15 минут, а в протоколе допроса записаны очень длинные показания, и что он подписал протокол не читая, т.к. не имел очков. Свидетель Монахов, заместитель Некипелова по работе в аптеке, рассказал, что он однажды обнаружил в ящике стола Некипелова "Открытое письмо Сталину" Ф. Раскольникову и сразу же позвонил в горсовет.

Свидетель Афанасьев показал, что Некипелов постоянно консультировался с ним по вопросам поэзии. Те два стихотворения из присланных ему, которые теперь инкриминируются Некипелову, он считает хорошими, не угадывает в них клеветы и в свое время посовето-

вал Некипелову опубликовать их в составе исторического цикла, т.к. в них пишется о временах Ивана Грозного.

Государственный обвинитель старший помощник прокурора Владимирской области, старший советник юстиции Образцов в своей речи заявил, что претензии Некипелова на свободу слова и свободу печати являются необоснованными и клеветническими, поскольку в действительности ст. 125 Конституции гарантирует эти свободы только в тех случаях, когда они используются в интересах трудящихся. Из перечисленных выше обвинений прокурор снял "устное распространение", т.к. в судебном заседании оно показаниями свидетелей не подтвердилось. В заключение прокурор сказал, что, поскольку Некипелов частично раскаялся, сожалеет, что написал некоторые из своих стихов, наказание ему можно ограничить двумя годами лишения свободы.

Защитник Н.Я. Нимирина, сославшись на комментарии к ст. 196¹ ("Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР", М., "Бриджеская литература", 1971г.), которым, по ее мнению, даже юристы нередко не придают должного значения, отметила, что высказывания, выражающие критическое или даже отрицательное отношение к тем или иным сторонам нашего строя, не являются преступлением; преступлением является только заведомо ложная информация. Убеждения, каковы бы они ни были, преступлением не являются. Убеждения, высказанные вслух или изложенные на бумаге, продолжают оставаться убеждениями. Поэтому Нимирина рассматривает как оговорку реплику прокурора, что убеждения определенного сорта, будучи выраженными устно или письменно, превращаются в клевету. Однако ознакомление с делом Некипелова, сказала она, позволяет утверждать, что именно высказывание Некипеловым своих взглядов и убеждений - пусть в ряде случаев ошибочных - инкриминируется ему как клевета на советский государственный и общественный строй. Адвокат заявила, что обвинение сформулировано слишком общо и неконкретно: в обвинительном заключении просто перечислены названия "клеветнических" произведений; неизвестно, какие именно сведения и обстоятельства, изложенные в этих произведениях, обвинение рассматривает как клевету. Из-за неконкретности обвинения, сказала адвокат, ей придется сделать предположение о том, какие фразы могли восприниматься обвинением в качестве клеветнических.

Рассмотрев возможные предположения относительно криминальности статьи "Нас хотят судить - за что?" и семи стихотворений, адвокат пришла к выводу о несостоятельности обвинений в клевете. По поводу стихотворения "Не совсем каноническая ода" Нимирина сказала,

что его не следовало писать. Но и в этом стихотворении нет состава преступления, предусмотренного ст. 190¹. В нем содержатся лишь оскорбительные выражения в адрес Брежнева и Гусака. Однако "измышления", о которых говорится в ст. 190¹, должны касаться государственного и общественного строя, а не отдельных государственных руководителей. Обвинение расширительно толкует объект преступления по ст. 190¹. Адвокат привела эпизод из пьесы А. Зорина "Большевики", где некую девушку арестовали за оскорбительную надпись на портрете Ленина, - Ленин потребовал ее освободить.

Кроме того, Некипелов никого не знакомил с "бдой".

Ними́ринская заявила, что юридически недопустимо строить обвинение исключительно на предположениях, приписывая Некипелову на основании двух небольших рукописных набросков намерение написать книгу и статью клеветнического характера.

Эпизод с передачей "Хроники" Дворцину адвокат сочла не доказанным, т.к. он подтверждается только показаниями самого Дворцина, который мог оговорить Некипелова, чтобы, например, скрыть тех, от кого он ее получил.

Ними́ринская заключила, что Некипелов не виновен в инкриминируемых ему преступлениях.

В качестве последнего слова Некипелов прочитал стихотворение, в котором, в частности, говорится, что в своих произведениях он "никогда не называл/свободу - свободой" и надеется, что он является одной из маленьких путеводных звездочек России.

В приговоре суд повторил все перечисленные обвинения, за исключением устного распространения, признал Некипелова виновным и приговорил его к двум годам лишения свободы в ИТК общего режима. Кроме того, суд постановил удерживать с Некипелова судебные издержки в сумме 199 рублей. В приговоре имеется также замечание о процессуальных нарушениях, допущенных на следствии при допросе свидетелей "устного распространения".

10 июля Верховный Суд РСФСР рассмотрел кассационную жалобу и оставил приговор без изменения.